

References:

1. Андреев Л. Н. Анатэма. Избр. произведения/Л. Н. Андреев. – К.: Дніпро, 1989. – 575 с.
2. Апресян В., Апресян Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций//Вопросы языкознания. – 1993. – № 1.
3. Ахманова С. А. Словарь лингвистических терминов/Ахманова С. А. – М., 1966. – 606 с.
4. Гулак А. Т. О стилистике русской художественной прозы. – Киев: 2007.
5. Карякина М. В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: автореф. дис... канд. филол. наук/Карякина М. В. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
6. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография/Московкина И. И. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005. – 288 с.
7. Одинцов В. В. Стилистика текста/Одинцов В. В. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
8. Парадокс/Википедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник/В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

*Okoneshnikova Alina Vasilievna,
Pedagogical institute, North Eastern Federal University
E-mail: okonesh44@mail.ru*

Tales of A. S. Pushkin

Abstract: The author tells about the literary tales of Alexander Pushkin. We consider all of his published stories. They cause reflections, more controversial, ambiguous evaluation. Tales of the great Russian poet waiting to be explored. We are talking about *vzaimosyazi* culture and literature. This connection, the author shows by examples.

Keywords: The phenomenon of culture, types of culture, national culture, literature.

*Оконешникова Алина Васильевна,
доцент, Педагогический институт СВФУ
E-mail: okonesh44@mail.ru*

Сказки А. С. Пушкина

Аннотация: Автор рассказывает о литературных сказках А. С. Пушкина. Рассматриваются все его изданные сказки. Они вызывают размышления, многое вызывает споры, неоднозначные оценки. Сказки гениального русского поэта ждут своих исследователей. Речь идет о взаимосвязи культуры и литературы. Эту связь автор показывает на примерах.

Ключевые слова: Культура феномен, типология культуры, национальная культура, литература.

Сказки занимают большое место в жизни каждого человека, поэтому многие литераторы и ученые посвятили труды их изучению. Они дали классификацию сказок, определили их значение, некоторые описали методику работы с ними.

Сказки стали изучать в России с 17 в. и писатели России 18–19 вв.

Сказки делятся на волшебные, бытовые и о животных. Эта классификация до сих пор никем не оспаривается [4, 8].

Все, как и дети, с большим удовольствием слушают и рассказывают волшебные сказки, позволяющие оторваться от действительности, пофантазировать, помечтать.

Сказки также делятся на народные и литературные. В народных сказках неизвестен автор, литературные сказки же создавали поэты и писатели. Из всех из них преуспел А. С. Пушкин.

Мы все прекрасно знаем сказки, которые, как известно, писались Александром Сергеевичем для взрослых, но стали достоянием детской литературы. Дети знакомятся с ними с дошкольного возраста.

Творчество великого русского поэта А. С. Пушкина неисчерпаемо. Многие исследуют его, но еще не сказано последнее слово, и вряд ли оно будет сказано, настолько масштабна его личность, настолько велико наследие поэта. Исследованию творчества А. С. Пушкина посвящали статьи и монографии известные ученые и поэты, начиная с П. В. Анненкова, В. Белинского, М. Горького, Анны Ахматовой, Валентина Непомнящего, Георгия Макогоненко и др.

В последние годы жизни (в тридцатые годы) поэт написал огромное количество произведений, простое перечисление которых занимает время:

«Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834).

«Сказка о попе и работнике его Балде» написана ярким, сочным, народным языком: «Жил-был поп, Толокон-

ный лоб. Пошел поп по базару Посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда... » [5, 9].

В. Непомнящий отмечает, что «черты персонажей четко разграничены: «хозяин» жаден и туп, «баба» хитра и осмотрительна» [3, 196].

Попу нужен работник задешево. Балда готов ему служить за три щелка в год. Поп призадумался, да понадеялся на русский авось. Поп и Балда заключили договор. Сюжет завязался.

Балда работает усердно, ест за четверых, работает за семерых, попадая им не нахвалится, а попенок зовет его тятей. Образ попа получился очень жизненным: прижимистый, глуповатый, сам из мужиков. Поп не хочет Балде платить, поэтому из хитрости посылает его к чертям. Оброкто Балда с чертей взыскал. И требует с попа оплаты. Он не ищет никакой выгоды, кроме морального удовлетворения, выполнения уговора.

«Хозяин не хочет платить, но Балда его настиг. Бедный поп Подставил лоб: с первого щелка Прыгнул поп до потолка; Со второго щелка Лишился поп языка; А с третьего щелка Вышибло ум у старика». А Балда приговаривал с укоризной:

«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной» [5, 23].

Старика, конечно, жаль. Но он заплатил по договору.

В. Непомнящий в нескольких случаях подчеркивает человечность поэта, когда он описывает торжество справедливости в сказках, написанных по сюжетам услышанных сказок. В исходных сказках «справедливость» намного страшнее.

Самой светлой из сказок, написанных А. С. Пушкиных, была «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». В ней поэт воплотил свою мечту о семье: человек должен иметь семью, и она может стать счастливой, полной. А. С. Пушкин, как и народ, был за семейный уклад. Это он почерпнул из народных сказок.

Поэт всегда верил в семейные ценности, хотел семью, детей, хотел с Натальей Николаевной создать семейный очаг, которого у него раньше не было. На наш личный взгляд, как мы можем судить из воспоминаний о нем, его в семье не любили, не верили в его гениальность, выдающиеся способности. Мы читали, что стихи, которые он посылал брату, несмотря на его просьбы, Лев всем раздавал, поэтому Александр, существовавший на литературные заработки, получал за них намного меньше, чем мог бы. Ни отец, ни мать не любили Александра, требовали от него только денег. Любила его бабушка Елизавета Алексеевна, к которой он питал нежные чувства и, конечно же, его любила няня, которую называл мамушкой. Уединение его в Михайловском разделили не родные по крови люди, а няня Арина Родионовна. И читать об этом грустно и горестно.

И неудивительно, что обделенный любовью родных, он так мечтал о семейном тепле и уюте, поэтому так стремился к этому и его сказочный герой князь Гвидон, потом воссоединившийся со своим отцом, царем Салтаном.

Няня Арина Родионовна научила Пушкина языку сказок, и поэт с детства лучше владевший французским языком, чем своим родным русским, познавал красоту, глубину и широту русского языка, зазвучавшего в созданных им литературных сказках во всей своей красе. И все малыши России учатся добру, справедливости из его сказок, учат его стихи, и они познают язык с помощью строк Пушкина: «Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах на раздутых парусах... » [5, 40]. Многие ссылки на стихи Пушкина делаются по книге, опубликованной к 200-летию поэта.

Об этом достаточно подробно пишет В. Непомнящий в послесловии к книге «А. С. Пушкин. Сказки/Сост. В. С. Непомнящий» [5].

Сказкам поэта В. Непомнящий посвятил раздел в книге «Поэзия и судьба», которую читаешь не отрываясь, как интересный увлекательный роман [3]. В ней дается должная оценка сказкам Пушкина в связи со всем его творчеством. Анализ сказок проводится наряду созвучными по тематике и идейной направленности произведениями. В. Непомнящий сделал попытку рассмотреть сказки поэта как непосредственно опирающиеся на фольклор — неотъемлемую и важнейшую часть его художественного мира.

Стихия национального, стихия устного творчества стала для Пушкина своей. В. Непомнящий восхищается этим. Он приводит полные жизни строки из сказок поэта: «Ветер весело шумит, Судно весело бежит... », «Жил старик со своею старухой У самого синего моря... » [3, 189].

Постепенно сказки Пушкина, как отмечает исследователь, предстают в качестве своего рода азбуки национального характера, в которой уже содержатся («как весь язык содержится в лексиконе», по словам Пушкина) «грозные вопросы морали», коренные проблемы бытия, где человек призван быть хорошим хозяином.

«Сказка о рыбаке и рыбке» была написана в Болдино. Она появилась почти одновременно с «Медным всадником», «Анджемо», «Историей Пугачева». Она не вызывает разноречивых оценок, как, например, «Сказка о золотом петушке». Сюжет незамысловат, очень легко запоминается даже маленькими детьми. «Эта сказка — самая эпическая из всех, самая монументальная и по облику своему очень близкая к фольклору» [3, 207].

Дети прекрасно разбираются в системе образов этой сказки: старик добрый, но слабовольный, слишком слушается свою старуху; уважительно относится к золотой рыбке, ему неудобно за старуху, которая все просит и просит рыбку, донимает своими просьбами. Старуха жадная, злая, гоняет своего старика, она его ни во что не ставит, только использует в своих корыстных целях. Рыбка терпит ее капризы до поры до времени, потом в конце восстанавливает справедливость: сказка заканчивается так же, как начиналась: старуха у ветхой землянки с разбитым корытом. Как видим, событие — краткий обмен репликами — снова событие — снова несколько слов — опять событие — финал.

Композиция «Сказки о рыбаке и рыбке» — замкнутый круг: «*Вот пошел он к синему морю ... Смилуйся, государыня рыбка! ... Воротился старик ко старухе ... Воротись, дурачина, ты к рыбке ... Пошел старик к синему морю ... Смилуйся, государыня рыбка! ... Воротился старик к старухе ... воротись, поклонись рыбке ... Старичок отправился к морю... Старичок к старухе воротился...*» [3, 208]. Это монотонное хождение и есть «физическое движение». Старик покорен своей старухе, но осмеливается перечить столбовой дворянке: «*Что ты, баба, белены объелась?*». Он боится только своей жены. Пушкин поднимает вопрос социального неравенства и социального угнетения равного равным. Угнетателей мы порожаем из своей «семьи». Тут виновны обе стороны, — заключает критик [3, 209].

По мере развития действия нарастает активность моря. Вначале оно немного разыгралось; помутилось синее море; не спокойно синее море; почернело синее море. Чем выше поднимается старуха, тем грознее море и тем неотвратимее восстановление справедливости. В конце старуха остается у разбитого корыта. Это крах для старухи. В мире же все остается по-прежнему. Сказка повествует о преходящем и вечном, превращаясь в притчу.

Чувство своего дома, чувство хозяина — вот, может быть, главное в *художественном настроении* автора сказок. Только при таком самоощущении возможно было сотворить эту удивительную симфонию русской души: по-медвежьки неуклюжий, но насыщенный внутренним ритмом скомороший речитатив «Сказки о попе...», скерцозное, почти плясовое рондо «Салтана», заунывный и протяжный напев «Сказки о рыбаке и рыбке», акварельный лиризм адажио «Сказки о мертвой царевне...», сверкающий сарказмом грозный финал «Золотого петушка»... Это целый мир. Здесь своя земля, на которой живут цари и мужики, сварливые бабы и удалые богатыри, повелители и холоуи, да еще целый животный мир — зайцы, волки, белки, собаки, серые утки; да еще неведомые иноземные люди — «сорочины», татары, пятигорские черкесы (!); да еще какое-то загадочное, но реальное, но реальное «за морем»: «*Ладно ль за морем иль худо?*» — «*За морем житье не худо...*». Здесь и морская стихия своя, тоже густо заселенная — богатырями, чертями; и она изменчива от сказки к сказке, как от погоды к погоде, эта бескрайняя и таинственная держава маленькой Золотой Рыбки. Здесь свои небеса, в которых живут Солнце и Месяц: Солнце вежливое и ласковое, Месяц — доброжелательный и учтивый, пожалуй, педантичный и холодноватый: «*Не видал я девы красной. На стороже я стою Только в очередь мою. Без меня царевна, видно, Пробежала...*».

Здесь, наконец, своя вселенная: «*В синем море звезды блещут, В синем море волны хлещут, Туча по небу идет, Бочка по морю плывет...*» — наивное, грандиозное мироздание, простое, словно сразу после сотворения; словно недавно, только что, — как говорит Книга Бытия, — земля «*была безвидна, и пуста, и тьма над бездною, Дух Божий носился над водою...*» [3, 191].

Мы нашли в Интернете любопытные материалы А. М. Побокковой. Она проделала сравнительную характеристику сказок В. Жуковского «Спящая «царевна» и А. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Мы решили воспользоваться этими материалами и ознакомить вас с ними.

Название сказки Жуковского «Спящая царевна» повторяет первоисточник, у Пушкина свое название — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Жуковский использовал сюжеты немецкой сказки «Царевна-шиповник» братьев Grimm и французской «Спящая в лесу красавица», обработанной Ш. Перро.

Пушкин написал свое произведение на основе народных сказок, которые собирал, находясь в ссылке в Михайловском в 1824–1826 годах. Там он записал сказку «Самоглядное зеркало», похожую по сюжету на «Сказку о мертвой царевне». Другой источник — волшебные сказки Арины Родионовны.

Автор подробно рассматривает совпадения и различия в сюжете сказок Пушкина и Жуковского.

Композиции сказок схожи: в них есть зачин. (Села ждать его одна).

Завязка: у Жуковского — встреча царицы с раком-пророком и рождение дочери; у Пушкина — смерть царицы, появление во дворце мачехи.

Развитие действия: у Жуковского: пир — взросление царевны — укололась веретеном и уснула, все уснули. Охотник (царский сын) забрел во дворец; пробуждение царевны и всего дворца. Сватанье царевны. У Пушкина: гнев и зависть мачехи. Чернавка уводит царевну в лес. Жизнь царевны в доме 7 богатырей. Отравление царевны яблоком. Погребение ее в горе. Поиски невесты королевичем Елисеем. Спасение царевны. Смерть царицы-мачехи (событий в сказке Пушкина больше). В просмотренных нами материалах, приведенных в Интернете, примерно также строится сопоставление и с другими сказками у других.

Что же роднит их с народной сказкой? — спрашивает А. М. Побоккова и отвечает на этот вопрос.

1. Как и в народных, есть сказочный зачин и концовка.
2. В обоих — сюжет волшебной сказки, волшебные силы и предметы — говорящие рак и зеркальце.
3. В основе анализируемых сказок, как и в народных, борьба добра и зла.
4. Троекратный повтор.

«Добро побеждает, добрым людям помогают волшебные силы» [6].

Наподобие такого анализа можно предложить поработать детям.

Безусловно, интересно, что даже дети точно формулируют идею сказки А. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»: верность — вспомним собаку Соколко, которая приняла смерть, чтобы показать, отчего хозяйка недвижна: «... *Вбежав, Пес на яблоко стремглав С лаем*

кинулся, озлился, Проглотив его, свалился И издох. Напоено Было ядом, знать, оно» [5, 115]; человеколюбие: Чернавка «... в душе ее любя, Не убила, не связала, Отпустила и сказала: «Не кручинься, Бог с тобой». А сама пришла домой» [5, 115]; любовь: королевич Елисей любил царевну и поехал искать ее после того, как она пропала. И, как всегда в сказках, нас ожидает счастливый конец: «Свадьбу тотчас учинили, И с невестой своей Обвенчался Елисей; И никто с начала мира Не видал такого пира...» [5, 122].

Последняя сказка «Сказка о золотом петушке», как отмечает В. Непомнящий, «неразрывно связанная со всем циклом, в то же время стоит особняком, замыкая процесс и вместе с тем как бы переводя его в новое измерение. Она отличается от всех своим образным строем, своей стилистикой...» [5: 209, 218].

Все источники, ссылаясь на А. Ахматову, отмечают, что сюжет этой сказки заимствован у Вашингтона Ирвинга [1]. Конечно же, заимствована внешняя канва. Пушкин останавливается на смерти двух сыновей царя Дадона, об этом событии в первоисточнике говорится мимоходом. А у Пушкина это событие центральное:

*«Вот осмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга»* [5, 135].

У Ирвинга «кровавое братоубийственное побоище» упоминается лишь мельком, у Пушкина же становится одним из главных звеньев цепи событий, приведших Дадона к казни [3, 233].

Это большое горе. И Дадон как бы горюет. Почему «как бы?»:

*«Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! Попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! Смерть моя пришла».
Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней*

*Смерть обоих сыновей,
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно, —
Покоряясь ей безусловно, —
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон...»* [5, 136].

Теперь понятно, почему мы написали «как бы горюет». Дадон вроде бы горевал: доя отца потерять сыновей — невыразимое горе, вот он увидел Шамаханскую царицу — и забыл про смерть сыновей — пировал целую неделю. Какой отец бы такое позволил себе? Радовался бы?

Когда царь с царицей воротился в свой предел звездочет просит исполнить свое слово:

*«Подари ж ты мне девицу, —
Шамаханскую царицу», —
Крайне царь изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя свернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока!
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась; а девица —
Хи-хи-хи! Да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха [5, 139–141].*

Дадон не держит своего слова, это непростительно для любого человека, тем более для царя. Данное слово должно быть исполнено. И вот закономерный финал:

«Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок вспорхнул со шпильцы;
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало».

Сказка заканчивается строками:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Назидание понятно: надо держать слово, тем более царское.

Г. П. Макогоненко считает, что использование символов характерно для всего творчества поэта. Он отмечает, что особой поэтической мощью и глубокой содержательностью обладают символы в реалистических произведениях — «Медном всаднике», «Пиковой даме», «Сказке о золотом петушке», «Капитанской дочке» [2, 143].

Критик считает, что в «Сказке о золотом петушке» поэт написал о плохом царе. Состарившийся царь Дадон не может управлять государством, не может справиться с постоянно нападающими врагами. В конце концов Дадон обратился за помощью к звездочету. Тот дает в помощь золотого петушка. В обмен Дадон «горы золота сулит».

Петушок исправно несет службу. Когда царь вернулся в свое государство. Мудрец:

«... Помнить? За мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою.
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».

Но с царями плохо вздорить – «Царь хватил его жезлом По лбу; тот упал ничком, Да и дух вон...». Но возмездие свершилось – петушок клюнул царя в темя – «охнул раз. – и умер он» [5, 142]. Это не убийство, а наказание преступника.

Как справедливо отмечает Г. П. Макогоненко: «Дадон не психологический характер, но символ царской власти. Основу образа составляют, так сказать, родовые признаки царского сана и царской власти в народном восприятии: безделье, отсутствие энергии действия, инициативы и беспомощность» [2, 195].

А. Ахматова сделала вывод, что завершающие сказку стихи прямо обращены к царю. В своем разделе «Добрым молодцам урок» [1] А. В. Непомнящий ссылается на сведения А. Ахматовой, с которыми он согласен, описав ее статью «Последняя статья Пушкина».

Справедливо рассмотрение литературных сказок А. С. Пушкина во взаимосвязи со всем его творчеством. Сказки А. С. Пушкина вызывают много размышлений. Многие вызывают споры, неоднозначные оценки. Сказки гениального поэта еще ждут своих исследователей.

Список литературы:

1. Ахматова А. Последняя сказка Пушкина. [Эл. ресурс]. – Реж. доступа: <http://biwibi.ru/d/713433/d/ahmatova.pdf>
2. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836): Монография. – Л.: Худ. лит., 1982. – 464 с.
3. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. – М.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.
4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Собр. трудов В. Я. Проппа. – М.: изд-во «Лабиринт», 1998. – 512 с.
5. Пушкин А. С. Сказки./Сост. В. С. Непомнящий. – М.: Вече, АО «Московские учебники», 1999. – 216 с.
6. Побоква А. М. Сравнительный анализ «Сказки о мертвой царевне» А. С. Пушкина и сказки «Спящая царевна» В. А. Жуковского. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profistart.ru/profi/viewprofile/18557.html>

*Panteleev Andrew Felixovitsch,
südliche Föderale Universität, der Kandidat der philologischen Wissenschaften,
Professor, der Lehrstuhl für Theorie der Sprache und der Russischen Sprache
E-mail: AF3@yandex.ru*

*Dolmatova Anna Sergeevna,
südliche Föderale Universität, Master-Abschluss in der sprachlichen,
der Lehrstuhl für Theorie der Sprache und der Russischen Sprache
E-mail: flomasteri@mail.ru*

Superlativ als das Mittel der Bildung der Ausdruckskraft (Expressivität) in der Poesie des russischen Akmeismus

Abstrakt: der Vorliegende Artikel ist der Forschung des Funktionierens des Superlativs als Mittel der Bildung der Ausdruckskraft (Expressivität) und des Ausdrucks der Intensität in der Sprache der poetischen Werke von Nikolaj